

Литературное наследство

Выпуск 33–34. Часть 2

УДК 82
ББК 83
Л64

Л64 Литературное наследство: Выпуск 33–34. Часть 2 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 424 с.

ISBN 978-5-8853-3707-6

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивно-забытия и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

ISBN 978-5-8853-3707-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Очень показательно в этом отношении письмо известного журналиста и писателя Луи Гандеракса, помещенное в номере газеты «*Gil Blas*» от 24 ноября 1890 г., посвященном открытию памятника Флоберу в Руане: «Вы запрашиваете меня относительно Флобера,—пишет Гандеракс, обращаясь к редактору газеты,—меня, француза, да еще в 1890 г. Почему бы лучше не запросить меня о Толстом? Я бы тогда, между прочим, упомянул о Флобере, чтобы с похвальным беспристрастием принести в жертву русскому натурализму натурализм французский. Но сегодня, конечно, вам не то нужно. Так обратитесь лучше к князю Урусову в Москву, Никольский пер., 15, Арбат. Этот настоящий русский лучше знаком с вашим Флобером, чем я. Он пишет историю его произведений, которая будет литературным памятником Флоберу».

Несмотря на несколько иронический тон по поводу эксцессов франко-русской дружбы того времени, Гандеракс относился очень сочувственно к флюберовским начинаниям самого Урусова. Повидимому, в этом флюберовском номере «*Gil Blas*» предполагалось поместить более точные сведения о задуманной Урусовым коллекции, но письмо Гандеракса заменило фактическую заметку лестной аттестацией самого коллекционера. В архиве Урусова сохранился набросок предполагавшейся статьи под заглавием: «Проект статьи для Жиль Блаза», интересный, как первая формулировка его замысла. Заметка написана по-французски, не от имени Урусова, но его почерком. Вот ее содержание:

«У Флобера, памятник которому только-что—наконец!—открыт в Руане, имеются верные поклонники не в одной только Нормандии и даже вдали от Франции. Нам об этом сообщают некоторые подробности, которые могут быть интересны для флюберистов всех стран. Один московский адвокат, князь А. Урусов, уже около десяти лет коллекционирует всё, что относится к Флоберу. Эта коллекция имеет следующие подразделения: 1. Произведения Флобера в разных изданиях, начиная с «*Мадам Бовари*» в двух томиках по франку в изд. Мишель Леви и до семи томов *pe varietur* Квантена. 2. Переводы и отзывы. 3. Иконография: портрет работы Каржа (*Carjat*), увеличение редкой карточки, изображающей Флобера стоя. Оригинал принадлежит принцессе Матильде. Другой портрет кабинетного формата Надара—лучший из портретов Флобера. Портрет-шарж Жиро (репродукция в журнале «*Caricature*»). Офорт Э. Липгарта. 4. Газетные статьи».

Впоследствии содержание коллекции обогатилось, во-первых, рукописным материалом—набросками статей и всяческими записями самого Урусова и ценными автографами его корреспондентов по вопросам, касающимся Флобера. С другой стороны, из собранной им иконографии многое исчезло. Но, как мы увидим далее, первоначальный план остался тем же, и позднейшие новые формулировки Урусовым своих заданий сходятся с этой первой.

Внимание, которое Урусов встретил к своей работе по Флоберу во Франции, укрепило его связь с современной ему французской литературой. Быть может, с наибольшей яркостью эта связь сказалась через год после открытия памятника Флоберу в любопытном инциденте выступления Урусова в качестве защитника в литературном процессе Блуа—Сар Пеладан. Творчество Леона Блуа и Жозефина Сара Пеладана, при несомненной талантливости их обоих, представляло собой в декадентстве конца XIX в. крайний элемент бредовой фантастики идеалистического порядка. Блуа был пламенный памфлетист, автор более 30 томов бунтарских сатир, на-

правленных против его современности, социальные противоречия которой он остро ощущал, и против большинства его современников, главным образом, против удачников в литературе и общественной жизни («*Propos d'un entrepreneur de démolitions*»). Он называл себя католиком, но бешенее всего нападал на официальную католическую церковь и считал своей миссией ее уничтожение («не все еще мертвецы свезены на кладбища», — говорил он о священниках); в политике он держался консервативных взглядов, но при этом ненавидел «буржуазную корку» общества, под которой не видно, как несправедливо распределены места в жизни и как в тюрьмы попадают преимущественно поэты и люди беспомощные.

Интеллектуальное бунтарство Блуа было как раз тем, что привлекло на его сторону Урусова, когда он взял на себя защиту памфлетиста против нашумевшего в то время своими романами и скандалами «мага» Жозефина Пеладана, присвоившего себе фантастический восточный титул «сара», главным образом, для рекламы серии своих философских романов («*Décadence latine*»), которые представляли собой смесь исступленного католицизма и мистицизма с весьма явной порнографией. В лице Блуа Урусов отстаивал свободу художественного творчества, хотя бы даже разнузданного по форме, но искреннего.

Дело возникло из-за напечатанного в мае 1891 г. в «*La France*» письма Сара Пеладана с нападками на Л. Блуа за то, что тот не пустил его к умиравшему Барбэ д'Ореви́льи, или, как он высокопарно выразился в письме, «кулачным боем преградил к нему путь» («*d'avoir barré de pugilat*») старейшим его друзьям и священнику, пришедшему его исповедать. Барбэ д'Ореви́льи, автор «*Les Diaboliques*», был большой художник слова, романтик высокого стиля, увлекавший блеском фантазии и оригинальностью замыслов. Он умер 80-ти лет (в 1889 г.) и в конце своей жизни, из своего рода литературного дэндизма, вместе с представителями младшего поколения декадентов, интересовался оккультизмом и другими течениями того же рода. Поэтому Барбэ д'Ореви́льи покровительствовал Пеладану и дружил с Блуа, который преклонялся только перед ним одним из всех писателей того времени и считал его своим идейным вдохновителем. Вся распря между Блуа и Пеладаном была вызвана, главным образом, стремлением Пеладана овладеть исключительным расположением д'Ореви́льи и вытеснить Блуа.

На выпад Пеладана Блуа ответил в главном органе декадентов, в журнале «*La Plume*» (см. номер от 15 мая 1891 г.), письмом на имя редактора журнала, Л. Дешана; в этом письме он обличал во лжи, клевете и, главным образом, в грубой рекламности Пеладана, этого, как он его называет, «тротуарного ассирийца», и каялся, что сам «выдумал» Пеладана, сжалившись над явившимся к нему «молодчиком из Нима, без имени и без сапог», сочинил ему смехотворный титул «сара», которым тот ловко воспользовался, и познакомил его с Барбэ д'Ореви́льи. А д'Ореви́льи, по своей доброте, облагодетельствовал этого «шута», написав предисловие к его роману «*Vice suprême*», и потом не знал, как отделаться от его приставаний.

По главному пункту нападков Пеладана Блуа презрительно заявил, что вытолкал «этого шакала в лиловом пиджаке» из дома больного Барбэ д'Ореви́льи, и при этом грозил разоблачить, что Пеладан убил д'Ореви́льи тем, что неожиданно привел к его постели священника. Слово «убил» «*assassiné*» было неосторожно употреблено в письме. Оно дало повод Пеладану, любителю рекламных процессов, привлечь Блуа и редактора

«La Plume» к судебной ответственности и предъявить им иск в 25 000 франков за диффамацию.

Выступив защитником Блуа, Урусов перенес процесс из области писательского скандала в область литературы. Самая тяжба двух «фантазистов» была ничтожная, тем более, что хотя речь шла об «assassinat», но ни одна сторона ни малейшего преступления не совершала, и дело сводилось к словесной несдержанности, к живописной ругани, часто совершенно непередаваемой. Но все это было типично для литературных нравов, открывало закулисную жизнь некоторых крайних спиритуалистических течений в декадентстве и, вместе с тем, было освещено именем большого писателя, Барбэ д'Оревиля, из-за которого возник процесс. Создавалась атмосфера литературного события, и Урусов выказал большое чутье, построив защиту на литературной критике, обличая порнографический характер мистических романов Пеладана, издеваясь над его «окультными силами», обладанием которыми всегда похвалялся Пеладан: «Уж если быть «саром», т. е. существом, обладающим верховным могуществом,— говорил Урусов,— то следует заколдовывать своих противников, а не тащить их в суд». Дело Урусов выиграл: «магу» отказали в иске и возложили на него судебные издержки. «Неизвестно,— писала газета «Temps», вторя шуточному тону Урусова,— что уготовит Сару Пеладану божественное правосудие, но правосудие земное не оказалось благосклонным к нему».

Выступление Урусова было сенсацией, главным образом, из-за литературного характера процесса. Зал исправительного суда был переполнен представителями французской адвокатуры, интеллигенции, которая чувствовала в Урусове не только адвоката, но человека близкого литературе. Знаменитый адвокат Лабори, будущий защитник Дрейфуса, представляя Урусова суду, как иностранного собрата, превознес его «высокие каче-

*Vous m'interrogez sur Flaubert,
moi, Français, en 1890; ne pourriez-vous pas,
Monsieur, m'interroger sur Tolstoï? Je parlerais
de Flaubert, incidemment, pour imposer au
naturalisme russe, avec une belle impartialité,
le naturalisme français.*

*Mais aujourd'hui, sans doute, ce
n'est pas cela que vous demandez... Adressez-
vous donc au P^{re} Ouzonoff (15 rue Nikolski,
rue Abbate, Moscou); ce Russe authentique
est mieux renseigné que moi sur votre homme:
il s'est une fois tenu de ses ouvrages, qui sera
un monument littéraire. Il me disait, l'autre
jour, que Tolstoï avait appris beaucoup
en lisant Flaubert, — mais pas encore assez!*

Louis Ganderax
Paris, le 23 novembre 1890.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЛУИ ГАНДЕРАКСА ОТ
23 НОЯБРЯ 1890 г. К РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ
„OIL BLAS“, С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ УРУСОВА,
КАК „ФЛОБЕРИСТА“

Музей Карнавале, Париж

ства» и напомнил о его «культе Флобера» («l'homme distingué qui a fait de Flaubert le culte de sa vie»). Пресса отметила «сжатость и убедительность» его речи, произнесенной на чистейшем французском языке, без иностранного акцента, и украшенной блесками тонкого юмора. Журнал «La Plume», в номере от 15 ноября (1891 г.), напечатал портрет Урусова, дал точный отчет о всем деле и всячески превозносил таланты Урусова.

Свои активные литературные взаимоотношения с Францией Урусов сосредоточил на работе по Флоберу, о которой, как мы видели выше, в печать все чаще проникали и общие и более подробные сведения. Завершающим в этом отношении сообщением о предприятии Урусова явился включенный им в архив фельетон близкого друга Флобера, Шарля Лапьера, редактора «Le Nouvelliste de Rouen», из «Journal des Débats» от 4 июля 1893 г., под заглавием: «Г. Флобер по его письмам». Фельетон заканчивался словами: «Флобер был предметом серьезного изучения не только во Франции,—пламенные его поклонники имеются и за границей. Один из них, князь Урусов, живя в Москве, вот уже пять лет собирает всё, что относится к личной жизни Флобера и к его произведениям. Выжав сок из собранного материала, он передаст свои «досье» библиотеке города Парижа во дворце Карнавале».

А. И. Урусов выполнил свои намерения, о которых заранее оповещал своих литературных французских друзей, в свою очередь, широко разгласивших его планы. Если теперь зайти в Париже в старинную уютную библиотеку Musée Carnavalet на улице Савиньи и потребовать неизданные «материалы по Флоберу», то вместо ожидаемых рукописей какого-нибудь из флюберовских романов, которые имеются в главных книгохранилищах Франции, вам принесут и поставят на стол большие картонные ящики зеленого цвета, каждый с надписью крупными буквами: «Collection Ourousof» I, II, III и так до VI. Эту коллекцию, очевидно, считают достаточно ценной, чтобы заполнить собой в библиотеке рубрику рукописных и неиспользованных печатных материалов по Флоберу.

Когда урусовская коллекция поступила в библиотеку Musée Carnavalet и кем была туда передана, теперешний библиотекарь не знает, но внешний вид материалов, в особенности рукописных, обнаруживает некоторую небрежность при укладке в ящики: алфавитный порядок во многих случаях нарушен, металлические стержни, укрепляющие карточки, сломаны, карточки оторваны и свалены в кучки. Зато в полном порядке сохранились большие коллекции газетных вырезок по разным вопросам, касающимся Флобера.

Коллекции материалов предшествуют некоторые разъяснения, написанные Урусовым и точно определяющие его задания и технику их выполнения. В первом же ящике имеется дарственная запись по-французски: «Я желаю, чтобы после моей смерти эта коллекция была передана в Musée Carnavalet, т. е. в библиотеку города Парижа или, в случае, если там ее не примут, то в руанский музей». Следуют подпись—«А. Урусов» и дата: «30 марта 1891 г.». Отметим, между прочим, что это завещание написано даже не на отдельном листе, а на внутренней стороне оторванной половины какого-то переплета, служащего перегородкой между двумя связками материалов, и ввиду этого надпись Урусова легко может остаться незамеченной.

Но, делая дарственную надпись на «перегородке», Урусов, очевидно, еще не решил окончательно, кому завещать свою коллекцию, и колебался,

А. И. УРУСОВ

Портрет, помещенный в номере парижского журнала „La Plume“ от 15 ноября 1891 г.

не отдать ли ее руанскому музею-библиотеке. Мотивы, которые его к этому побуждали, характерны для его особого чувства поклонения Флоберу. «Именно там, в Руане,—говорит он в записи от 28 мая 1892 г. (V),—там, где покоится прах Флобера, где возвышается его скромный памятник, где живут его родные, его друзья, где живы интимные воспоминания, столь часто разрешающие сомнения относительно темных пунктов в его творчестве и биографии, именно там должно быть сосредоточено все, касающееся Флобера». Все же, первоначальное решение передать архив в библиотеку Carnavalet одержало верх.

По замыслу Урусова, его коллекция должна была стать систематическим толковым указателем по всем вопросам, касающимся жизни и творчества Флобера, своего рода энциклопедией по Флоберу. Технику, которой он держался при составлении каждого тома, Урусов объясняет во французской Note, помеченной 1892 г. Он говорит в ней, что все статьи, помещенные в I томе, зарегистрированы и отчасти критически разобраны на карточках, расположенных в алфавитном порядке на металлических стержнях. Таким образом, коллекция представляет собой систематический указатель всего, касающегося великого художника, и становится книгой, составленной из отдельных отрывков, надлежащим образом классифицированных и снабженных надписями («livre en morceaux, classés et étiquetés»). Как пример, он приводит: A—Article sur Flaubert. B—Biographie, Bouillet, Bouvard et Pecuchet и т. д.

Названием «livre en morceaux» для своей коллекции Урусов дорожит и несколько раз повторяет его. Или же, помышляя хотя бы о частичном издании коллекции, он заранее придумывает заглавие для такого издания. Одно из таких заглавий (т. V, связка 10-я): «Flaubert et son œuvre: Catalogue raisonné d'une collection de pièces se rapportant aux écrits et à la biographie de Gustave Flaubert par le Prince A. I. Ourousov, avocat au barreau de Moscou».

Другое заглавие намечено в т. I, связка 2-я: «Matériaux pour servir

à une histoire des œuvres de Flaubert»; оно сопровождается небольшим предисловием, в котором Урусов излагает мотивы, руководившие им при составлении коллекции. Мотивы эти тем более интересны, что относятся ко всей франко-русской литературной деятельности Урусова, и с этим написанным по-французски предисловием к несостоявшемуся изданию интересно ознакомиться для характеристики Урусова.

«Документы, входящие в этот том,—пишет Урусов,—составляют коллекцию, начатую в ... [год не проставлен] и которая еще далеко не закончена полностью. Я все же решаюсь приступить к изданию ее, из опасения, как бы какой-нибудь несчастный случай не сделал публикацию невозможной. Пожар или кража могут рассеять эту грудку хрупких газетных вырезок; может также умереть коллекционер, и эти листки исчезнут навсегда. Ведь если и существуют все газеты, из которых взяты статьи, вошедшие в коллекцию, все же проделать наново все изыскания было бы огромным и утомительным трудом. Поэтому сохранить сделанное, облегчить пользование им—значит продолжить жизнь себе подобных. Моя коллекция состоит: из 1) заметок и библиографических указаний, касающихся критических статей о Флобере; 2) из газетных статей и книг на ту же тему и 3) из портретов и автографов, очень немногочисленных.

Моя цель при составлении этой коллекции, быть может, единственной в своем роде, заключалась в содействии славе великого писателя и современной французской литературы. Мы, иностранцы, обязаны долгом большой благодарности французской литературе. Этот долг нужно выплачивать. В детстве мы кое-как болтали по-французски, в молодости изучали... [пропущено слово], а потом опять-таки только литература составляет живое благо... [фраза не закончена]. Так вот я хочу уплатить кое-что в счет этого долга».

Это незаконченное предисловие указывает на то, что у Урусова было серьезное намерение напечатать хоть часть своего материала, т. е. первый том, отвечающий содержанию первого картона коллекции. Намерение это привело к дальнейшим шагам, так как в архиве имеется (картон V, связка 10-я) собственноручное письмо известного издателя передовых французских писателей 90-х годов, Л. Ванье, ставящее издание на деловую почву. Письмо адресовано типографу Эресси в Эвре.

«Князь А. Урусов, московский адвокат,—пишет Ванье типографу,—намерен напечатать книгу под заглавием «Заметки о Флобере». Я ему рекомендовал вашу типографию для его работы, которая должна была быть закончена к началу октября, ввиду того, что открытие памятника Флоберу, вашему соотечественнику, назначено на 15 октября. Я сказал, что печатание, бумага и брошировка издания в 1100—1000 экземпляров обойдется в 1000 франков. Прошу вас ответить Урусову и мне, и надеюсь, что ответ будет благоприятный... Я вас считаю нормандцем, потому что вы живете в Эвре».

Несмотря на все приготовления, это издание не состоялось. Как мы это дальше увидим, такова была, к сожалению, судьба многих чисто писательских предприятий Урусова.

Урусов, как мы это видели по его предисловиям и заметкам, придавал большое значение библиографической части коллекции, классификации материала, обнимающего все флюберовские проблемы, строгой выдержанности алфавитного порядка в целях пользования архивом, как указателем. Последнее, однако, оказалось самым непрочным в архиве, веро-

ятно, из-за переправки бумаг из одного места в другое, и от алфавитного распределения материалов теперь почти ничего не осталось. Но главное, что Урусов хотел видеть в своей коллекции,—это как можно более полную книгу о Флобере, собрание и изложение всего, что было сказано значительного о творчестве великого романиста. Достижения в этой области составляют основную ценность урусовского архива. Для русских же исследователей Флобера и для изучения истории франко-русских литературных отношений, в особенности, ценны вклады в архив самого составителя архива—рукописи неизданных работ Урусова, так как в них особое внимание уделено русской стороне флоберизма, вопросу о том, что знали и чего не знали у нас о Флобере до появления «Парижских писем» Золя в «Вестнике Европы» в 1875 г.—и затем позже, в 80-х и 90-х годах, когда, главным образом, создавалась и пополнялась коллекция Урусова.

В первом же намеченном к изданию томе,—на основании I и II картонов архива, наиболее богатых рукописным материалом, статьями и заметками, а также критическими разборами Флобера,—имеется довольно много статей самого Урусова, посвященных Флоберу. Статьи эти большей частью не закончены; за исключением нескольких коротких заметок о памятнике Флобера и других маленьких очерков, которые мы приводим в приложении к настоящей статье. По существу, все эти работы являются разрозненными отрывками незавершенного большого труда Урусова о Флобере, или, говоря точнее, его исследования о Флобере, как авторе «Мадам Бовари», так как Урусов считал этот роман Флобера основным в его творчестве и постоянно к этому роману возвращался. Он с особым удовлетворением и как бы в подкрепление своих взглядов на «Мадам Бовари» ссылается на мнение Тургенева: «Мы слышали неоднократно от И. С. Тургенева,—пишет Урусов в конце одной из статей,—что «Мадам Бовари»—лучший роман, появившийся после Бальзака», и прибавляет, что «разнообразие оттенков характера в изображениях Флобера может быть приравнено только к пластике шекспировских типов».

Собранные в архиве рукописные отрывки статей или незаконченные более пространные очерки носят разные заглавия. Самый большой очерк в 20 листов, исписанных с одной стороны, озаглавлен: «Флобер. Аналитический этюд. I часть. Жизнь Флобера»; другой вариант той же статьи надписан по-французски: «Flaubert, article manuscrit inédit russe» («Статья о Флобере, неизданная русская рукопись»). Рукопись датирована 9 августа 1889 г. и предназначалась, повидимому, для журнала «Новое Обозрение», но осталась незаконченной. Кроме того, в архиве имеется ряд разрозненных фрагментов, иногда носящих заглавие «Мои заметки».

Изложение взглядов Урусова на Флобера во всех этих рукописях одинаково, а отдельные сведения, имеющиеся в разных версиях, взаимно пополняют друг друга. В своих статьях Урусов занят вопросом о методах изучения Флобера. Увлеченный культурно-историческим методом Тэна, он доказывает, что подлинное и плодотворное изучение Флобера должно быть изучением «комбинируемых условий личности и среды» и что необходим экскурс в область истории Нормандии, чтобы показать влияние на Флобера местности, в которой он жил и работал. Поэтому в большом «Аналитическом этюде» Урусов приводит пространные извлечения из авторитетных ученых книг о Нормандии и нормандцах. Затем он считает, что биографию Флобера должны были бы разрабатывать его друзья: Тэн,

Э. Гонкур, Золя, Мопассан, которым знакомы условия, среди которых развивалось его творчество; кроме того, само собой разумеется, что автору этюда о Флобере следовало бы и внешней форме своего труда придать ту стилистическую законченность, которой так дорожил автор «Искушения св. Антония».

Дополняя свои требования, предъявляемые биографу и критику Флобера, Урусов дает в другом, тоже незаконченном, отрывке подробную программу статьи о Флобере, куда входит не только изучение Флобера, как нормандца, но и параллель с Бальзаком и Золя, туринцем и провансальцем, обследование экономических условий (материальная обеспеченность Флобера), влияния семейной среды (близость к медицинскому миру), затем особенностей темперамента Флобера и его политического склада: его презрение к буржуазии и любовь к «простым людям», при равнодушии к политическим формам. На этой программе Урусов строит схему критической или, по его терминологии, «аналитической» статьи, «скольконибудь достойной Флобера».

«Следует,—пишет Урусов в одной из своих заметок (довольно неразборчиво написанной карандашом),—поступить, как поступал великий писатель [Тэн]: положить в основу статьи глубокое многолетнее изучение условий среды, в которой он [Флобер] развился, влияний расы, страны, наследственности, личного темперамента, его жизни, материальной обстановки, а как результат, его произведений. Следовало бы в основу такой работы положить личное, непосредственное изучение писателя в его интимной обстановке и придать внешним формам критического о нем исследования строгость линий и классическую сдержанность. Другими словами, критический очерк о Флобере должен бы, при документальности содержания, явиться еще облеченным в те изящные формы слога, которым он владел в совершенстве».

Своей собственной работе о Флобере Урусов, однако, не ставит столь широких задач, ввиду «недостаточности багажа материалов», которыми, по его мнению, он располагал для своего критико-биографического очерка о Флобере. «Нам, русским почитателям Флобера,—пишет он,—предстоит скромная, но не менее трудная задача—попытаться изучить писателя по его произведениям, попытаться разъяснить вопрос: какое значение, какой интерес имеет Флобер для нас, русских».

Ставя этот вопрос, Урусов затрагивает любопытную тему о параллелизме судеб творчества Флобера во Франции и в России. Во Франции, как хорошо известно, культ Флобера сопровождался не малой долей нападок и преследований автора «Мадам Бовари». Помимо знаменитого процесса, вызванного появлением «Мадам Бовари», Э. Гонкур имел полное основание в своей речи на открытии памятника Флоберу говорить о несправедливости к Флоберу критиков; из них некоторые утверждали, что «проза Флобера позорит эпоху Наполеона III», а другие ставили ему в упрек его «эпилептический» стиль, с явным и ядовитым намеком на непроверенные и злостные слухи о его припадках падучей, которые распространял «друг» Флобера—Максим Дю Кан (Maxime Du Camps).

В России отношение к Флоберу тоже резко разделило литературную критику на два лагеря и сделалось одним из лозунгов распри, почти гражданской войны, между передовой литературой, поддерживаемой культурным слоем читающей публики, и обскурантской массой реакции, тем

более, что «флоберизм» и нападки на него в момент смерти Флобера в 1880 г. и начала подписки на памятник ему, при непосредственном активном участии Тургенева, приняли характер явно политический. Этой теме посвящены особая статья и заметка Урусова, которые мы приводим в приложении к нашему очерку.

Почти во всех своих русских статьях Урусов останавливается на вопросе о том, какое место принадлежит Флоберу в европейской литературе, и, в особенности, на значении Флобера для русских. «Разрешение этих вопросов,—пишет Урусов в «Аналитическом этюде» 1886/7 г.,—теперь может быть современным. Оно может до известной степени определить значение патристических нареканий, с которыми часть нашей прессы сочла нужным обратиться к И. С. Тургеневу (аргументация их: какое нам дело до Флобера, да еще при нынешней дороговизне?)».

Враждебность к Флоберу многих представителей русского общественного мнения, в другой своей заметке, Урусов объясняет плохой их осведомленностью. «Один из моих знакомых,—пишет он,—человек образованный, но равнодушный к литературе, спрашивал меня на-днях, что означает подписка, предложенная Тургеневым на памятник какому-то Флоберу. Кто этот Флобер? Что он сделал и за что ему памятник? Такое же недоразумение вызвал Тургенев в чуждых литературе сферах. Одна московская газета [вычеркнуто «Современные Известия»] сочла нужным оспаривать подписку, предложенную Тургеневым, на том основании, что у нас-де и своих памятников мало и что лучше деньги приберечь на памятник Тургеневу (sic!). Понятие о солидарности литературных интеле-

1892 Note. №478
Tous les articles de ce 1^r volume ont été catalogués et analysés en partie sur des fiches en Bristol, disposés dans l'ordre alphabétique sur des tiges en métal. Elles forment ainsi un répertoire systématique des matières ayant trait au grand romancier et sont, pour ainsi dire, un livre en morceaux classés et étiquetés. A propos de l'Ann

АВТОГРАФ «ПАМЯТКИ» УРУСОВА,
ОБЪЯСНЯЮЩЕЙ ХАРАКТЕР ЕГО КОЛЛЕКЦИИ,
1892 г.

Музей Карнавале, Париж

ресов в цивилизованном мире и о том, что представители высшего художественного развития одинаково дороги для всей цивилизации, а не только для какой-нибудь одной страны, кажется огромному большинству читателей, выражаясь учтиво, фантазией».

Необходимость, прежде всего, заняться делом ознакомления русского читателя с Флобером заставляет Урусова отказаться на время от соблазнявшей его большой работы в духе исследовательских приемов Тэна и сосредоточить свое внимание на изучении и показе творчества Флобера. «Если справедливо вообще,—говорит он,—что жизнь писателей вся в их книгах, что книги—их события, то ни к кому это мнение не применимо более, чем к Флоберу... И так как русская публика в последнее время очень много слышит о Флобере, его хвалят, ему воздвигают памятник, и знаменитый писатель [Тургенев] патронирует это литературное предприятие, то именно теперь следует сказать свое мнение [подчеркнуто Урусовым] о Флобере».

Для Урусова этот довод является наиболее привлекательным, так как «высказывание своего мнения» дает ему возможность передавать в импрессионистской манере свои впечатления от каждой книги Флобера, лирически описывать свои переживания от повторного чтения его романов, в особенности, конечно, от любимого произведения Урусова «Мадам Бовари», и попутно, под рубрикой «Мои заметки», на отдельных листках и карточках набрасывать критические суждения по разнообразным вопросам творчества и биографии писателя.

В этой импрессионистской манере написан и упомянутый нами незаконченный «Аналитический этюд». Большая часть составляющих его двадцати рукописных страниц in-folio посвящена восторженному подробному пересказу «Мадам Бовари»,—это вполне соответствовало не раз высказанному Урусовым намерению приохотить читателя к чтению не комментариев к Флоберу, а самых его произведений: «Читайте Флобера—вот единственный полезный вывод, который настоящий этюд может дать читателю»,—часто повторяет Урусов в своих писаниях относительно «Мадам Бовари», прибавляя по адресу русских читателей: «Цель моя будет достигнута, если читатели прочитают роман в подлиннике». Первые русские переводы, о которых он говорит, были плохие и неполные, и он перечисляет их: «Мадам Бовари» в «Библиотеке для Чтения» 1858 г., «Саламбо» в «Отечественных Записках» 1868 г. («если не ошибаюсь»,—прибавляет Урусов), «Сентиментальное воспитание» отдельным изданием, «Легенда о Юлиане» в «Вестнике Европы» в классическом переводе Тургенева («единственное исключение по своему совершенству»), «Бувар и Пекюше» в «нашем» журнале, т. е. в «Новом Обозрении» Урусова, «Искушение» в «Еженедельнике Нового Времени». О русском переводе «Мадам Бовари» Урусов говорит отдельно и более подробно:

«Роман Флобера «Мадам Бовари» пользуется известностью в России, что можно заключить из того факта, что он вышел в двух различных переводах в 1857 и в 1880 гг. Первый перевод, хотя изобилует промахами и неточностями, все же литературнее второго. Недаром первый напечатан был впервые в «Библиотеке для Чтения» Писемского. Кажется, что в этом первом переводе участвовал П. И. Вейнберг. Что же касается второго, то при неисправности текста он еще отличается ремесленностью формы. Так и чувствуется, что перевод этот—дешевая заказная работа, сделанная кое-как. Вообще Флоберу не посчастливилось. Роман, репутация кото-